

КОНТР-ЭКСПЕРТИЗА: РАСПАКОВЫВАЮЩАЯ И УПАКОВЫВАЮЩАЯ ЧЕРНЫЕ ЯЩИКИ

Филатова Ася Алексеевна – кандидат философских наук, доцент.
Донской государственный технический университет.
344000, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1;
e-mail: asya_filatova@rambler.ru

Термин «контр-экспертиза» не так давно вошел в концептуальный аппарат STS, хотя комплекс тем, который он пытается охватить, является объектом пристального внимания исследователей науки и технологий уже в течение нескольких десятилетий. Эти темы связаны с нормами и практиками участия непрофессионалов, «рядовых обывателей» в оценке качества условий их жизни, которая зачастую вступает в столкновение с официальной экспертизой. Прежде всего проблема контр-экспертизы рассматривается в контексте демократизации науки, партисипативного поворота и гражданского активизма. В рамках данной статьи, используя язык акторно-сетевой теории Б. Латура, я пытаюсь показать, каким образом контр-эксперты используют, распаковывают и упаковывают так называемые черные ящики науки. Отношение контр-экспертов к научным фактам является принципиальным вопросом, поскольку актуализирует проблему демаркации контр-экспертизы от разного рода низовых инициатив, которые принято трактовать как антинаучные и социально деструктивные.

Ключевые слова: контр-экспертиза, научные факты, черные ящики, Бруно Латур, исследование науки и технологий, локальные знания, факты и проблемы

COUNTER-EXPERTISE: OPENING AND CLOSING THE BLACK BOXES

Asya A. Filatova – PhD in Philosophy, associate professor.
Don State Technical University.
1 Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344000, Russian Federation;
e-mail: asya_filatova@rambler.ru

The term “counter-expertise” has recently become a part of the STS theoretical tools, although main topics covered by this term have been the STS subjects for several decades. These themes concern the norms and practices of laypeople participation in assessing the quality of their living conditions. This assessing often clashes with official expertise. First of all, the problem of counter-expertise is considered in the context of the democratization of science, a participatory turn and activism. In this article, using the vocabulary of B. Latour's actor-network theory, I try to demonstrate the way counter-experts use, open and close the so-called “black boxes” of science. The counter-experts' attitude about scientific facts is a matter of principle, for it actualizes the problem of demarcation of counter-expertise from various kinds of grassroots initiatives, which are usually interpreted as unscientific and socially destructive.

Keywords: counter-expertise, science facts, black boxes, Bruno Latour, STS, local knowledge, matters of facts and matters of concern

Введение

Контр-экспертиза, к которой весьма своевременно обращается Сергей Шевченко, является одним из центральных сюжетов STS уже на протяжении как минимум тридцати лет: камберлендские овцеводы, вступившие в полемику с официальными экспертами, игнорировавшими их локальные знания о местной среде после чернобыльской катастрофы [Wynne, 1992]; японские женщины, оберегающие свои семьи от зараженных радиацией продуктов после трагедии на АЭС «Фукусима» [Kimura, 2017]; американские землевладельцы, выступающие против прокладки нефтепровода по их землям [Bosworth, 2018]; движение ACT UP (AIDS Coalition to Unleash Power), требующее от государства и медицинских учреждений создания лекарства от СПИДа [Gould, 2009]. С точки зрения эпистемологии, исследования контр-экспертизы связаны с укреплением уже хорошо узнаваемого теоретического языка STS с такими центральными концептами, как «гражданская наука», «демократизация науки», «локальные знания», «undone science» и «minor science»¹, «социотехнологические мнимости» (sociotechnical imaginaries), «экологический популизм», «гражданские эпистемологии» и т.п.

Разделяя в целом те положения, которые высказывает Сергей Шевченко, и признавая значимость проблемы эпистемической несправедливости как конститутивной для контр-экспертизы как таковой, я полагаю целесообразным поместить ее в более широкий контекст. В частности, на мой взгляд, принципиально важно остановиться на прояснении вопроса об отношении контр-экспертов к научным фактам. Может ли контр-экспертиза не просто использовать или подвергать сомнению научные факты, но также участвовать в их создании? Как теоретически различить (и возможно ли это сделать в принципе) тех, кто добивается правды и борется за право на достойную жизнь, вступая в бой с безразличной к феноменологическим аспектам опыта технаучной машинерией истины, и тех, кто злоупотребляет теориями заговора и разного рода «антинаучными» практиками, угрожающими жизни и здоровью людей? Не являются ли такие различия всегда различиями *post factum*, когда победители и проигравшие более или менее установлены? И что делать, если ставки в игре столь же высоки, как и уровень связанной с ней неопределенности?

¹ Данные понятия обозначают такие направления исследования, которые, как правило, либо полностью игнорируются, замалчиваются, либо рассматриваются как второстепенные, недостойные пристального внимания институционализированной науки [Hess, 2016].

В современной России даже на фоне резкого роста протестных движений, вызванных мусорным кризисом, ухудшением экологической обстановки в крупных промышленных городах, активизацией пациентских сообществ для борьбы за качественное медицинское обслуживание и доступные препараты, контр-экспертиза практически не фигурирует в качестве объекта теоретического анализа. Основная рефлексивная работа осуществляется, как правило, в рамках либо журналистских расследований, либо медийных активистских проектов. Начатое в рамках данной панельной дискуссии обсуждение может, как я надеюсь, внести свой вклад, по крайней мере, в постановку вопроса о языке, на котором можно говорить о контр-экспертизе в рамках гуманитарного дискурса.

Зонтичный термин «контр-экспертиза» далек от строго однозначного определения в силу того, что пытается сделать видимой онтологически, эпистемологически и политически спутанную сеть взаимодействующих агентов. Если попытаться набросать схематичную картину, то контр-экспертизу можно представить как процесс расширения жестких иерархий и системной несправедливости в принятии решений по вопросам качества жизни и благополучия людей, создание условий для функционирования демократических механизмов участия всех заинтересованных акторов. Более конкретный перечень тем, связанный с контр-экспертизой, включает в себя возможности и способы установления равноправного статуса локальных знаний «рядовых обывателей», субъективного опыта людей и профессиональной научной экспертизы (activated lay expertise), свободного привлечения экспертов из разных дисциплинарных полей (transgressive expertise), а также сертифицированных экспертов общественных организаций, не связанных с государственными институтами (allied certified expertise) [Williams, Moore, 2019]. Кроме того, исследования контр-экспертизы затрагивают комплекс вопросов о генезисе и конституировании идентичности активистских сообществ, о стратегиях противодействия гегемонии технологической экспертизы и выстраивании тактики коллективного действия, об альтернативных способах сбора и интерпретации данных, а также о демократизации и доступности технологий и открытости научных знаний [Fischer, 2000; Arancibia, Motta, 2018; Williams, Moore, 2019].

Черные ящики контр-экспертизы

Свои рассуждения я хотела бы начать с попытки распаковать одно короткое утверждение, высказанное Сергеем Шевченко: «антипрививочники и ВИЧ-диссиденты спорят о научных фактах, а контр-эксперты – о методах получения и интерпретации научного знания»

[Шевченко, 2020, с. 23]. То, что в первую очередь бросается в глаза, это попытка различить две формы гражданских инициатив. Зачем это нужно делать? В большей части исследований контр-экспертиза фигурирует как способ подорвать устоявшуюся гегемонию официальной науки, сложенную с государственными или корпоративными институтами. Через протестную активность контр-экспертов реализует себя низовая демократия (*grassroots democracy*), инстанции принятия решения децентрализуются и новые акторы вступают в игру: пациенты не хотят принимать некачественные дженерики вместо оригинальных лекарств, несмотря на рекомендации Минздрава, а люди, проживающие возле дымящих свалок, игнорируют официальные данные Роспотребнадзора и организуют протестные акции, отстаивая свое право на чистый воздух [Шевченко, 2019]. Вступая в противостояние с коррумпированными властями, «народ» или «местные жители» формируют собственные «гражданские эпистемологии» (*civic epistemology*) и борются за установление эпистемической и политической справедливости.

Почему же такая картина не вырисовывается, когда мы говорим об антипрививочниках и ВИЧ-диссидентах? Почему их боль, страдания, феноменологический опыт не вызывают у нас такого же эмоционального отклика, а их деятельность не рассматривается как часть эмансипаторного процесса? Ответ, который предлагает Сергей Шевченко и который интуитивно кажется правдоподобным, состоит в том, что все дело в научных фактах. Именно приверженность научным фактам делает одних героями и борцами за истину, поскольку как бы ни были локальны их знания, а также методы исследования и интерпретации данных, в итоге они работают на подтверждение объективной истины природы, а других – кучкой опасных безумцев. Примем данное предположение в качестве отправного пункта дальнейших рассуждений.

Научный факт – вот наше главное действующее лицо. Поэтому именно с него бы я и хотела начать. «Научные факты и артефакты, – пишет Б. Латур, – обрушиваются на них (миллионы обычных людей. – А.Ф.) как сторонняя сила – чужие, безличные, непредсказуемые, как *fatum* на древних римлянах» [Латур, 2013, с. 42]. Научные факты предстают перед нами как черные ящики, тщательно упакованные учеными и инженерами, но не только ими. Для создания устойчивого черного ящика необходимы коллективные усилия многих: собственно самих ученых, их инструментов, лабораторий, текстов, государственных грантодателей, законодательных институтов, коммерческих структур и т.д. При удачном исходе выстраиваемая со временем сеть в один прекрасный момент схлопывается, и единственное, что продолжает иметь реальное значение, это то, что «на входе и на выходе» [там же, с. 26]. Почти ни у кого в итоге не остается сомнений, почти никто не отрицает «опасность радиации,

существование вируса птичьего гриппа и не проводит переоценку пользы разнообразного рациона [Шевченко, 2020, с. 23]. Однако почти никто – это не никто. Ни один факт не закрыт окончательно, а значит, при желании может быть распакован. Среди тех немногих, кто осмеливается взглянуть внутрь черного ящика, оказываются социологи, философы, антропологи, а также гражданские активисты [Латур, 2013, с. 42].

Итак, возвращаясь к контр-экспертизе, можно описать три возможных режима отношения контр-экспертизы и черных ящиков.

Режим первый: контр-эксперты присваивают уже готовые научные факты и используют их как проверенное оружие в своей игре. Существует радиация, пагубное влияние которой на здоровье людей научно доказано, но власти игнорируют это знание, поэтому возникает потребность принять дополнительные меры, например привлечь независимых экспертов, чтобы регулятивные механизмы заработали должным образом.

Режим второй: представители официальной науки подают нечто как научный факт, но он по каким-либо причинам не вызывает доверия, контр-эксперты начинают распаковывать данный черный ящик, реконструируя процесс его возникновения и деанонимизируя всех действующих лиц, принимающих участие в выстраивании сети. На рынке появляется некий препарат А как эффективное противовирусное лекарство оно включается в перечень средств, рекомендуемых Минздравом, врачи всех поликлиник страны прописывают его своим пациентам, но практика его применения заставляет людей засомневаться в его эффективности. Активисты пациентских организаций или представители так называемой доказательной медицины начинают работу по историзации и контекстуализации данного черного ящика: кем и когда этот препарат был разработан, как проводились испытания, в каких научных статьях отражены соответствующие исследования, кто издает журнал, опубликовавший эти статьи, какие фармакологические компании производят этот препарат и как они связаны с Минздравом и т.п.

Третий режим предполагает самый радикальный вариант участия контр-экспертов. Еще нет никакого научного факта, черный ящик еще не закрыт, но можно наблюдать систематически повторяющиеся события, вызывающие обеспокоенность и тревогу людей. Тогда контр-эксперты сами инициируют создание сети, чтобы некоторые предположения могли утвердиться в качестве факта. В 1983 г. об открытии особого вируса заявили две лаборатории: одна во Франции в Институте Пастера, назвавшая свое открытие LAV (вирус, ассоциированный с лимфаденопатией), вторая – в США в Национальном институте рака, ошибочно обозначившая свой объект как HTLV-III (Т-лимфотропный вирус человека третьего типа). Только в 1986 г. была установлена генетическая идентичность двух вирусов,

которые стали именоваться вирусом иммунодефицита человека. При этом уже в 1982 г. была создана первая добровольческая общественная организация Gay Men's Health Crisis (GMHC), обеспокоенная резким увеличением смертности молодых геев от редкой формы рака – саркомы Капоши. Первые члены сообщества начинают сбор денег на исследования, открывают горячую линию, организуют социальную и юридическую поддержку больным. Созданное в 1987 г. движение АСТ UP переходит к более радикальным акциям. С целью привлечения общественного внимания к проблеме ВИЧ она переводит ее в политическую сферу, требуя от ученых, политиков и фармакологических компаний активных действий по остановке пандемии, информированию населения, созданию эффективных медикаментов и защите прав больных. Благодаря этим организациям ВИЧ становится предметом веры и озабоченности большого количества людей, упаковывается в черный ящик, становясь устойчивым общепризнанным фактом.

Однако описание режимов, в которых контр-эксперты используют, распаковывают и упаковывают черные ящики, не дает нам понимания принципиального различия между, например, ВИЧ-диссидентами и движением АСТ UP. Мы могли бы здесь применить принцип симметрии и сказать, что в принципе между ними нет никакой разницы, поскольку их стратегии невероятно схожи: и те, и другие ставят под вопрос официально признанные научные факты и противостоят государственным институтам. Вопрос стоит только в том, что одним удастся быть более убедительными за счет привлечения на свою сторону большего числа сильных союзников и создать в итоге собственный черный ящик, а другим нет. Тогда наша оценка будет зависеть от того, на каком этапе становления черного ящика мы фокусируем внимание: уровень неопределенности снижается, чем большее количество людей начинают верить в факт, делая его достовернее. Но попробуем все же поискать причину, по которой это происходит. Почему риторика одних побеждает, а других не дает должного результата?

Представители: кто может говорить от имени вещей

Проблема представительства чрезвычайно важна для понимания контр-экспертизы. В мире, в котором «в сфере описания и объяснения мира наука есть мера всех вещей – существующих в том, что они существуют, и несуществующих в том, что они не существуют» [Sellars, 1997, с. 83], приоритет ученых говорить от имени безмолвствующих объектов редко подвергается сомнению. Вирусы, бактерии,

радиация не могут самостоятельно заявить о себе, и в отличие от рабочих, выбирающих лидера профсоюза, призванного отстаивать их интересы, они в принципе лишены права голоса. Ученые до той поры являются носителями объективной истины, пока никому не удается разорвать связь между ними и теми, кого они представляют. Контр-экспертиза претендует на то, чтобы разрушить данную монополию: местные жители полагают, что могут лучше репрезентировать загрязненный воздух, пестициды или раковые клетки, чем официальные эксперты. Пока все разговоры о демократизации науки и важности локальных знаний остаются предметом публичных разговоров, мы можем легко говорить об эпистемической справедливости и других не менее значимых в политическом смысле вещах, но *настоящий* спор требует больших затрат. «На смену миру равенства, в котором граждане свободно обмениваются мнениями, приходит мир неравенства, в котором согласие и несогласие возможны лишь при условии обладания огромным количеством ресурсов» [Латур, 2013, с. 122].

Среди ресурсов, определяющих особое положение ученых, главную позицию занимает лаборатория. Чтобы поставить под сомнение связь между представителем и актантом, необходимо построить контр-лабораторию. В качестве контр-лаборатории вполне может выступить реальная лаборатория, которая имеет инструменты для проведения независимого исследования. Но это работает тогда, когда мы имеем дело с относительно «простыми» случаями, например, если дело идет о коррумпированности властей, разного рода фальсификациях или непреднамеренных ошибках. Но что делать, если сами инструменты не способны идентифицировать нечто как объект, но при этом это нечто является предметом озабоченности людей и присутствует в их опыте как недоопределенная угроза?

Если мы имеем дело с новыми объектами в лаборатории, то они возникают «как список записей ответов, полученных в ходе опытов» [там же, с. 149]. Чтобы оформить новый объект, его необходимо подвергнуть большому количеству испытаний, дать ему возможность проявить свои свойства. Для этого мобилизуется весь арсенал лаборатории и все возможные ресурсы. Что же служит лабораторией для контр-экспертов, желающих реально противопоставить себя хорошо оснащенной официальной экспертизе и стать полноправными представителями вещей? В ход идет все, что оказывается под рукой [Bosworth, 2018]. Такая контр-лаборатория выстраивается по методу бриколажа. Чтобы оформить новый объект и сделать его фактом, задействуются все возможные испытания и инструменты. Эпистемическое и политическое перемешиваются, создавая неразличимую спутанность: забастовки, протесты, флэшмобы, арт-проекты, максимальная медиизация, суды, альтернативные исследования, привлечение всех возможных и неожиданных союзников и, конечно, собственные тела. В качестве ответа на вопрос о том, почему риторика

ВИЧ-диссидентов оказалась менее убедительной, чем риторика движения АСТ UP, стоит просто привести один трагический пример: все редакторы английского ВИЧ-диссидентского журнала Continuum ушли из жизни в течение 10 лет после его учреждения от заболеваний, которые общепризнанно связывают с ВИЧ. Основатель журнала Джоди Уэллс умер от пневмоцистной пневмонии в 1995 г., а сменивший его в качестве главного редактора Хью Кристи Уильямс от саркомы Капоши в 2001 г. В их случае попытка представительства не увенчалась успехом, объекты предали их, факт не состоялся, оставшись всего лишь субъективным мнением частных лиц.

Подводя итог, можно предположить, что феномен контр-экспертизы более продуктивно рассматривать даже не в связи с фактами (matters of fact), а с тем, что Б. Латур – называет «проблемами» (matters of concern). «Факты – пишет Латур, это всего лишь очень неполные, предвзятые и, я бы сказал, очень спорные и очень политические интерпретации проблем, и лишь составная часть того, что можно было бы назвать положением дел» [Latur, 2004, p. 232]. Отстраненные объективные факты стараются избавиться от всех тех, кто участвовал в их создании, в то время как проблемы открыто позиционируют себя как собрание, в котором проявляется забота всех участников. Проблемы, с которыми имеет дело контр-экспертиза, касаются здоровья и благополучия огромного количества людей. Активизм контр-экспертов вызван не чрезмерным любопытством, он пронизан болью и страданиями. Право на знание и справедливость, которого они добиваются, зачастую это право на жизнь, поскольку в контр-лабораториях люди не просто сталкиваются между собой вещи, но вещи и собственные тела.

Как оценивать теории заговора и экологический популизм, как дифференцировать обеспокоенность и заботу от так называемого мракобесия, как выявить «реальные предрассудки, скрытые за иллюзией объективных утверждений», и спасти «объективные и непроверяемые факты, прячущиеся за *миражом* предрассудков» [ibid., p. 227]? Все эти вопросы стоят перед STS и требуют большой теоретической и эмпирической работы. Надеюсь, что настоящая дискуссия сможет привлечь внимание российских коллег к данной теме и поспособствует ее дальнейшему развитию.

Список литературы

Латур, 2013 – Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.

Шевченко, 2019 – Шевченко С.Ю. Иерархия оценок технауки: казус спора об эквивалентности лекарств // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 3. С. 186–201.

Шевченко, 2020 – *Шевченко С.Ю.* Презирать и подсказывать: эпистемическая несправедливость и контр-экспертиза // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2020. Т. 57. № 2. С. 20–32.

Arancibia, Motta, 2018 – *Arancibia F., Motta R.* Undone Science and Counter-Expertise: Fighting for Justice in an Argentine Community Contaminated by Pesticides // *Science as Culture.* 2018. 09 Nov. P. 1–26. DOI: 10.1080/09505431.2018.1533936.

Bosworth, 2018 – *Bosworth K.* The People Know Best: Situating the Counter-expertise of Populist Pipeline Opposition Movements // *Annals of the American Association of Geographers.* 2018. 20 Dec. P. 1–12. DOI:10.1080/24694452.2018.1494538.

Fischer, 2000 – *Fischer F.* Citizens, Experts, and the Environment: The Politics of Local Knowledge. Durham: Duke Univ. Press, 2000. 351 p.

Gould, 2009 – *Gould D.B.* Moving Politics: Emotion and ACT UP's Fight against AIDS. Chicago, London: University of Chicago Press, 2009. 536 p.

Hess, 2016 – *Hess, J.D.* Undone Science: Social Movements, Mobilized Publics, and Industrial Transitions. Cambridge, MA: MIT Press, 2016. 258 p.

Kimura, 2017 – *Kimura A.H.* Citizen Science in Post-Fukushima Japan: The Gendered Scientization of Radiation Measurement // *Science as Culture.* 2017. 14 Jul. P. 1–24. DOI: 10.1080/09505431.2017.1347154.

Latour, 2004 – *Latour B.* Why Has Critique Run out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern // *Critical Inquiry.* 2004. Vol. 3. No. 2. P. 225–248.

Williams, Moore, 2019 – *Williams L.D.A., Moore S.* Guest Editorial: Conceptualizing Justice and Counter-Expertise // *Science as Culture.* 2019. Iss. 28 (3). P. 251–276. DOI: 10.1080/09505431.2019.1632820.

Sellars, 1997 – *Sellars W.* Empiricism and the Philosophy of Mind. Cambridge, London: Harvard University Press, 1997. 192 p.

Wynne, 1992 – *Wynne B.* Misunderstood misunderstanding: social identities and public Uptake of science // *Public Understanding of Science.* 1992. Vol. 1. No. 3. P. 281–304. DOI: 10.1088/0963-6625/1/3/004.

References

Arancibia, F., Motta, R. “Undone Science and Counter-Expertise: Fighting for Justice in an Argentine Community Contaminated by Pesticides”, *Science as Culture*, 2018, pp. 1–26. DOI: 10.1080/09505431.2018.1533936.

Bosworth, K. “The People Know Best: Situating the Counter-expertise of Populist Pipeline Opposition Movements”, *Annals of the American Association of Geographers*, 2018, 20 Dec, pp. 1–12. DOI: 10.1080/24694452.2018.1494538.

Fischer, F. *Citizens, Experts, and the Environment: The Politics of Local Knowledge.* Durham: Duke University Press, 2000, 351 pp.

Gould, D.B. *Moving Politics: Emotion and ACT UP's Fight against AIDS.* Chicago, London: University of Chicago Press, 2009, 536 pp.

Hess, J.D. *Undone Science: Social Movements, Mobilized Publics, and Industrial Transitions.* Cambridge, MA: MIT Press, 2016, 258 pp.

Kimura, A.H. “Citizen Science in Post-Fukushima Japan: The Gendered Scientization of Radiation Measurement”, *Science as Culture*, 2017, pp. 1–24. DOI:10.1080/09505431.2017.1347154.

Latur, B. “Nauka v deystvii: sleduya za uchenymi i inzhenerami vnutri obshchestva” [Science in Action, How to Follow Scientists and Engineers Through Society]. Saint Petersburg: EU SPb, 2013, 414 pp. (In Russian)

Latour, B. “Why Has Critique Run out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern”, *Critical Inquiry*, 2004, vol. 3, no. 2, pp. 225–248.

Sellars, W. *Empiricism and the Philosophy of Mind*. Cambridge, London: Harvard University Press, 1997, 192 pp.

Shevchenko, S.Yu. “Ierarkhiya otsenok tekhnologii: kazus spora ob ekvivalentnosti lekarstv” [Hierarchy of technoscience estimation: the case of drug equivalence dispute], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2019, vol. 56, no. 3, pp. 186–201. (In Russian)

Shevchenko, S.Yu. “Prezirat’ i podskazyvat’: epistemicheskaya nespravedlivost’ i kontr-ekspertiza” [Incline and Admonish: Epistemic Injustice and Counter-Expertise], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2020, vol. 57, no. 2, pp. 20–32. (In Russian)

Williams, L.D.A., Moore, S. “Guest Editorial: Conceptualizing Justice and Counter-Expertise”, *Science as Culture*, 2019, Iss. 28 (3), pp. 251–276. DOI: 10.1080/09505431.2019.1632820.

Wynne, B. “Misunderstood Misunderstanding: Social Identities and Public Uptake of Science”, *Public Understanding of Science*, 1992, vol. 1, no. 3, pp. 281–304. DOI: 10.1088/0963-6625/1/3/004.